

Вновь распутица, грязь по дорогам —
не пройти ни пешком, ни верхом.
По каким непонятым зарокам
в одиночестве стынет своём

Помоложье? Болота, ложбины...
За разливом оврагов и рек —
край лесной, заповедный, глубинный,
где радушен случайный ночлег.

За бревенчатой чёрной стеною
в полночь слышатся всплески воды.
Зашумит, как прибой, надо мною
отзвук той неминуемой беды,

где плоты по Мологе и Волге,
где со скарбом сиротским семья
на скрипучей телеге, двуколке...
Там, наверно, осталась и я.

Где вы, беженцы, переселенцы?
От воды и войны не уйти.
И зайдётся отчаяньем сердце:
как смогли вы всё перенести?..

В полночь слышатся всплески речные.
И опять подступает черта
та, где с мёртвыми рядом живые,
и у горла встаёт немота.

* * *

Туча дождём припугнёт и уйдёт стороной,
будет греметь, издалека грозиться.
Пахнет по огородам сеном и лебедой...
Здесь тишиной можно из рук напиться.

Мерно качают головками васильки,
поле не помнит ни пахоты, ни урожая.
Вечером к лампе слетаются мотыльки —
бьются, сгорая.

Короток век, только русло сменила река,
только и дел — не забывать молиться.
Тихо на запад в некошенные луга
день упорхнёт вспугнутою жар-птицей.

* * *

...от Выборга и до Изборска,
и дальше — вдоль земных границ,
родной земли зажавши горстку,
лежат поверженные ниц.

Они в суглинке и подзоле,
они в бурьяне, тростниках.
Подвластные Всевышней воле
и неподсудные в веках.

Они кирпичиками в стенах
всех приграничных крепостей.
Их кровь течёт по нашим венам,
их свет исходит от детей.

И это вечно будет длиться —
за кругом — круг, за годом — год...
На стены древнего Детинца*
лазурью плещет небосвод.

* * *

Где-то в лугах река
делает поворот.
Что там? Издалека
память не разберёт.

То ли вороний крик,
к осени — затяжной,
то ли в оконцах блик
меркнувший золотой;

* Детинец — Псковский кремль.

то ли в руинах храм,
то ли колхоз под снос...
Молча (по чьим следам?)
тянется в рай обоз.

Что там летит во мрак?
Что приготовил век?
Вёрона чёрный зрак
косится в пойму рек.

Здесь, за селцом, река
делала поворот...
Что там в глухих лугах,
память не разберёт.

* * *

Солнце целует плечи и спину.
Вечер. жара.
Лето достигло своей середины
в полдень вчера.

Спелый крыжовник забыл про заботу,
вмиг одичал.
Сочные ягоды — с кровью и потом —
выше похвал.

В тонких царапинках руки, колени,
свежий загар.
Над иван-чаем слышно гуденье —
сладок нектар.

Сыплются ягоды щедро в корзину.
Только вчера
лето достигло своей середины.
Вечер... Жара...